

— Брат Цзыцзюнь, похоже, прислужники в нашем Подземном царстве — сущая бутафория. Вот это, перед нами, и есть настоящий призрак, а?

Хуа Тянь попытался разрядить обстановку. Ему отчаянно хотелось нарушить давящую тишину, услышать голос Лань Цзыцзюня и хоть немного набраться храбрости.

— Это не призрак и не демон, — Лань Цзыцзюнь потянул за собой вконец окоченевшего от страха Хуа Тяня. — Это человек.

Он увлек спутника вперед, к таинственной фигуре. Ждать, пока тот сам соизволит подойти, было бессмысленно — так и до сумерек простоять можно.

— Ты кто такой?! — крикнул Хуа Тянь, стараясь придать голосу уверенности.

Незнакомец отозвался хриплым, едва различимым шепотом. Сил у него почти не осталось:

— Ты... Хуа Тянь?

Любопытство взяло верх. Хуа Тянь подошел ближе, сясь разглядеть лицо незнакомца в полумраке.

«Откуда он меня знает?»

Но стоило ему присмотреться, как он в ужасе отшатнулся и, упав на колени, зашелся в сухом кашле. От лица несчастного уцелела лишь половина. Другая была полностью изуродована — плоть безжалостно срезали, оставив жуткое кровавое месиво. Из-за того, что раны долгое время оставались без присмотра, от тела исходил невыносимый, удушливый запах гниения.

— Брат Хуа... Прости. Не хотел тебя напугать.

Раненый попытался протянуть руку, чтобы помочь Хуа Тяню подняться, но поврежденное тело не слушалось — он не мог даже согнуться. Ему оставалось лишь тихо бормотать извинения.

Видя его тщетные усилия, Хуа Тянь поднялся на ноги сам. На сей раз он предусмотрительно остался на безопасном расстоянии.

— Кто ты? Откуда знаешь мое имя? И кто сотворил с тобой такое зверство?

Мысли несчастного путались, он едва ли понимал, о чем его спрашивают. Собрав последние крохи сознания, он глухо заговорил о том, что еще держалось в его утешающей памяти:

— Я... послушник из местного монастыря. Зовут меня Божэ. Мы с Цзя Ланем учились у одного наставника...

— Цзя Лань? Тот самый, которого убили? — быстро переспросил Хуа Тянь.

Божэ словно не услышал его вопроса и продолжил, уставясь в пустоту:

— Цзя Лань часто рассказывал мне о тебе. Говорил, что ты и Инъин выросли вместе, что вы очень близки... Он жутко ревновал ее к тебе. Постоянно твердил, что при первой же встрече обязательно вызовет тебя на состязание и докажет, кто из вас лучше.

— Что?! — Хуа Тянь опешил. Сердце его бешено заколотилось, а в голове воцарился полный сумбур.

Лань Цзыцзюнь осторожно коснулся плеча Хуа Тяня и покачал головой:

— Не перебивай его. Ему осталось недолго.

— Цзя Лань и Инъин полюбили друг друга с первого взгляда... — прошептал Божэ, судорожно хватая ртом воздух. — Ради нее он решил отказаться от монашеского сана. Но именно в тот день, когда он собирался поговорить с настоятелем, они с Инъин сильно повздорили. Сгоряча Цзя Лань бросил, что больше никогда не желает ее видеть. Кто же знал, что его слова окажутся пророческими...

Договорить он не успел. Божэ безвольно обмяк и повалился на сырую землю, точно марионетка, которой разом перерезали нити. Жизнь покинула его истерзанное тело.

Лань Цзыцзюнь достал Книгу жизни и смерти и алыми чернилами сделал пометку напротив имени Божэ, завершая его земной путь.

Хуа Тянь оцепенело уставился на бездыханное тело. Какую же нечеловеческую муку пришлось перенести этому монаху, чтобы дотянуть до последнего вздоха, поползти сюда и вывалить на него это известие?

«Чертовы небеса! Оказывается, меня нагло и бессовестно надули. Я-то, наивный дурак, все это время видел себя у алтаря рядом с Лю Инъин, пока она всю крутила тайный роман с другим!»

Лань Цзыцзюнь словно читал его мысли. Он искоса взглянул на друга и язвительно обронил:

— Пустые мечтания.

Хуа Тянь вспыхнул от злости, но возразить не посмел. Ему оставалось лишь безмолвно сотрясать кулаками вслед удаляющемуся Лань Цзыцзюню.

— Ссора между Лю Инъин и Цзя Ланем действительно имела место, это не выдумка, — произнес Лань Цзыцзюнь, не оборачиваясь. — И Божэ только что это подтвердил.

Лицо Хуа Тяня мгновенно посерьезнело.

— Твоя правда. Из-за чего именно они повздорили? И кто так зверски расправился с Божэ? Вопросов становится все больше, и почти все зацепки ведут к Инъин. Это скверно.

Пока они с Лань Цзыцзюнем наскоро готовили могилу для Божэ, разговор о деталях этого запутанного дела не прекращался ни на минуту.

Сбросив последнюю лопату земли на свежую могилу, Лань Цзыцзюнь оперся на черенок и посмотрел на Хуа Тяня:

— Клубок запутался окончательно. Одна половина разгадки кроется у Лю Инъин, другая — в монастыре. Куда направимся сначала? Выбирай.

Хуа Тянь заколебался. Поход в монастырь сулил непредвиденные опасности, но и идти к Лю Инъин после всего услышанного он был просто не в состоянии — язык бы не повернулся начать этот разговор.

— Давай в монастырь, — наконец решился он. — Нужно осмотреть тело Цзя Ланя.

Хуа Тянь выбрал более опасный путь исключительно ради того, чтобы оттянуть неизбежное. Рана от внезапно разбитого сердца еще слишком сильно саднила, и ему требовалось время, чтобы прийти в себя перед встречей с бывшей возлюбленной.

Густой туман мало-помалу рассеялся, уступая место тяжелым вечерним сумеркам. С горы по-прежнему доносились заунывные звуки Мантры Великого Сострадания, на которые тоскливым карканьем отзывались кружащие в небе вороны.

Эта ночь обещала быть долгой и тревожной.

Лань Цзыцзюнь быстрыми, отточенными движениями начертал амулет и протянул его Хуа Тяню. Стоило тому прикрепить бумагу к одежде, как его тело, начиная с самых ног, стало блекнуть и растворяться в сумерках, сливаясь с окружающим пейзажем. Заклинатель проделал то же самое со вторым амулетом, и мгновение спустя оба бесследно исчезли, точно их никогда здесь и не было.

— Брат Цзыцзюнь, что это за тайные искусства такие? — изумился невидимый Хуа Тянь. Он с любопытством поднял руку: очертания рукава неуловимо подстраивались под цвет листы на заднем плане. Стоило ему повернуться, как оттенок вновь изменился, делая его абсолютно незаметным для чужих глаз.

— Не смей называть это дешевкой! — сердито прошипел Лань Цзыцзюнь. — Тайными искусствами балуются мелкие недоучки да бродячие заклинатели, а у меня — истинная, чистейшая магия даосов!

Хуа Тянь лишь мысленно хмыкнул. Лань Цзыцзюнь, как всегда, чересчур пекся о престиже и этих бесконечных, никому не нужных различиях между школами.

Они беспрепятственно пробрались в поминальный зал. Посреди просторной комнаты высился тяжелый деревянный гроб. У изголовья не было ни единой живой души — лишь две поминальные свечи неровно горели, время от времени со зловещим треском роняя капли воска.

— Брат Цзыцзюнь, чуешь демона? Где он притаился? — прошептал Хуа Тянь, робко прячась за широкую спину спутника.

Лань Цзыцзюнь сделал несколько медленных кругов вокруг гроба, то и дело останавливаясь и приносясь к холодному воздуху.

— Странно... — нахмурился он. — У подножия горы демоническая аура ощущалась невероятно отчетливо, но здесь, в самом монастыре, она будто испарилась.

— Чертовщина какая-то. Давай поскорее осмотрим тело и уберемся отсюда подобру-поздорову, — занервничал Хуа Тянь и нерешительно потянулся к тяжелой крышке гроба.

Крышка оказалась наглухо заколочена массивными гвоздями. Попотеть им пришлось изрядно, но в конце концов дерево со скрипом поддалось. Внутри лежал молодой монах с на удивление тонкими, почти девичьими чертами лица. Кожа покойного была белее мела, а на груди багровело огромное пятно засохшей крови — хоронили его прямо в том одеянии, в котором настигла смерть.

— И это они называют благочестивым уходом в нирвану? — фыркнул Хуа Тянь, напрочь позабыв о том, что перед ним лежит его недавний соперник. Ему стало искренне жаль этого несчастного юношу, чье красивое тело так грубо и поспешно заперли в деревянном ящике. — Да они просто сбросили труп в гроб ради видимости, даже обмыть не удосужились.

Они осторожно перевернули тело на живот. Кровь вокруг раны давно свернулась и потемнела. Оружие убийства уже извлекли, однако на спине остался глубокий, ровный разрез. Клинок вошел сзади, безжалостно пробив ребра и грудину.

Хуа Тянь подобрал длинную тонкую лучину и осторожно ввел ее в рану. Когда он вытащил щепку обратно, та оказалась полностью окрашена в алый цвет, хотя до самого дна раневого канала он так и не достал.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил Лань Цзыцзюнь.

Хуа Тянь жестом велел ему молчать и продолжил осмотр. Он снова перевернул Цзя Ланя на спину, нащупал область сердца и с силой надавил на нее обеими руками. Из раны на спине тут же брызнул фонтан застоявшейся алой крови, щедро окропив обоих визитеров.

— Ты что творишь?! — Лань Цзыцзюнь с крайним отвращением принялся оттирать шелковым платком лицо и одежды.

Хуа Тянь небрежно смахнул кровь со щеки рукавом и победоносно улыбнулся:

— Цзя Ланя убила не Инъин. Это точно.

Лань Цзыцзюнь, видя его непоколебимую уверенность, заинтересовался:

— С чего такие выводы?

— Смотри сам, — Хуа Тянь указал на темнеющее отверстие в спине покойного. — Смерть наступила от разрыва сердца и мгновенной потери крови. Удар нанесли со спины. Лезвие с силой вогнали прямо между лопаток, пробивая кость насквозь.

— Логично, — кивнул Лань Цзыцзюнь. — Но при чем тут девчонка?

— Инъин с самого детства росла болезненной и слабой, она без своих горьких отваров и дня прожить не может, — пояснил Хуа Тянь. — Брат Цзыцзюнь, ответь мне: легко ли пробить человеку лопатку одним ударом так, чтобы клинок вошел по самую рукоять и мгновенно поразил сердце?

— Хочешь сказать, у нее просто не хватило бы сил? — Лань Цзыцзюнь наконец уловил ход его мыслей. Действительно, чтобы пробить кость, требуется недюжинная физическая сила, сравнимая с ударом топора по твердому дереву. Немошная барышня из богатого дома физически не способна на такое.

— Именно. Убийца оказался хитер. Он состряпал безупречный мотив, повесил всех собак на беззащитную Инъин, а затем поспешил заколотить гроб, чтобы никто не вздумал копаться в уликах. И под благовидным предлогом объявил, что тревожить прах покойного отныне запрещено. Кто в этом монастыре наделен властью принимать подобные решения?

— Очевидно, что без ведома настоятеля здесь и шагу ступить нельзя, — Лань Цзыцзюнь осекся, пораженный собственной догадкой. — Погоди... Ты подозреваешь настоятеля?!

— И не его одного. Сдается мне, этот монастырь — обыкновенный воровской притон, — Хуа Тянь сдернул со стоящего в углу стола белую поминальную парчу. Под ней обнаружился настоящий свинарник: пустые кувшины из-под дешевого вина, обглоданные кости и остатки жирной рыбы.

Хуа Тянь выудил из этой кучи недопитый кувшин и сделал глубокий глоток.

— Запах хорошего алкоголя моя за версту почует. Только это пойло больно уж ядреное. От такого недолго и рассудок потерять.

Он молодецки швырнул кувшин обратно, но вместо триумфального жеста тут же получил увесистый подзатыльник.

— Твою мать, ты же под заклятием невидимости! — прошипел Лань Цзыцзюнь, больно щелкнув его по лбу. — Какого черта ты лапаешь вещи и шумишь на весь зал, идиот?!

— Ай-яй, больно же! — взвыл Хуа Тянь, скорчившись на полу и потирая ушибленное место. Порисоваться перед другом, как обычно, не удалось.

Загадки множились одна за другой, утягивая их в глубь лабиринта. Лань Цзыцзюнь нахмурился:

— Ладно, допустим, невиновность Лю Инъин мы доказали. Но каков тогда мотив здешней братии? Зачем им избавляться от собственного послушника?

Хуа Тянь озадаченно покачал головой. У него тоже не было ответа.

— Мы явно упускаем какую-то важную деталь.

«Если пазл не складывается, значит, от нас скрыли самую суть. Но где искать эту лазейку?»

— И все же полностью исключать Инъин из этого уравнения нельзя, — задумчиво произнес Хуа Тянь, стараясь унять вспыхнувшую обиду. — Они действительно крупно поссорились в тот день. И если принять во внимание их... близкие отношения... — Он запнулся, пересиливая укол ревности. — Получается, убийца знал об их тайной связи.

— И прекрасно понимал, что из страха позора или из чувства вины Лю Инъин не станет откровенничать об этой ссоре, — подхватил Лань Цзыцзюнь. — Идеальная коза отпущения. На нее можно свалить все грехи, и она даже защитить себя толком не сумеет.

— Все сходится! Но, разорви меня гром, зачем это понадобилось монахам?! — Хуа Тянь бессильно опустил на корточки, взъерошив волосы на затылке. Мысли снова потекли по замкнутому кругу.

— Не ломай голову раньше времени, — прервал его метания Лань Цзыцзюнь. — Для начала нужно наведаться в поместье Лю и вытрясти из девицы правду об их отношениях с Цзя Ланем.

Хуа Тянь тяжело вздохнул. Делать нечего, рано или поздно ему все равно пришлось бы встретиться с Инъин лицом к лицу.

— Идем. Утро вечера мудренее, пора возвращаться, — Лань Цзыцзюнь потянул Хуа Тяня за рукав, решив, что тот совсем пал духом из-за несчастной любви.

Проходя мимо величественного алтаря, Хуа Тянь резко замер.

— Постой-ка.

— Ну что еще? — недовольно буркнул зевающий заклинатель.

Хуа Тянь высвободил руку и вплотную подошел к гигантской золотой статуе Будды, пристально вглядываясь в ее основание. Лань Цзыцзюнь скептически скрестил руки на груди:

— Даже не пытайся. Золочение там копеечное, да еще и на восковой основе. Соскрести и продать не получится, искатель наживы.

Хуа Тянь пропустил шпильку мимо ушей. Он прижал ухо к холодному металлу и легонько постучал костяшками пальцев по поверхности.

— Брат Цзыцзюнь, подойди и послушай.

Заинтригованный заклинатель нехотя приблизился.

Донг... Донг...

Хуа Тянь ударил сильнее. Глухой, вибрирующий гул пронесся под сводами храма и затих где-то в ночной тишине.

— Ты с ума сошел?! Оглушить меня вздумал?! — Лань Цзыцзюнь зашипел от неожиданности, потирая зазвеневшее ухо, и в отместку ощутимо пихнул Хуа Тяня в бок.

— Пощади! Видит небо, я не со зла! Хотел лишь, чтобы ты получше расслышал звук! —

запричитал Хуа Тянь, шутливо уворачиваясь от ударов.

— Да что тут расслуши... — Лань Цзыцзюнь осекся на полуслове. Глаза его расширились. — Погоди. Внутри статуи пустота. Она полая.

Статуя была отлита из бронзы и покрыта сусальным золотом. При ударе по цельнолитому металлу чистый резонанс должен был разойтись двойным эхом, отражаясь от внутренних стенок. Однако звук оборвался слишком быстро, словно внутри находилось что-то массивное, поглощающее вибрацию. Лань Цзыцзюнь уловил лишь один короткий, глухой отзвук.

Хуа Тянь приложил палец к губам, призывая к осторожности:

— Тсс... Обсудим это внизу.

Они бесшумными тенями скользнули прочь из монастыря и начали спускаться по горной тропе. Никто из обитателей храма так и не заподозрил, что под их носом только что раскрыли половину их мрачных тайн. Ночная вылазка принесла богатый улов.

<http://bllate.org/book/18412/1796459>